

**О влиянии мусульманского законодательства
На аграрное развитие южного казахстана
В первой половине XIX в.**

Б.Т.Козыкеева,

*ст. преподаватель Таразского инновационно-гуманитарного университета
(ТИГУ), г. Тараз.*

Одним из недостаточно изученных вопросов в исторической науке является влияние мусульманского законодательства на аграрное развитие Южного Казахстана в первой половине XIX века.

Южный Казахстан всегда занимал важное место в Центральной Азии, привлекал к себе внимание узбекских правителей, пытавшихся включить его в сферу своей геополитики. По многим показателям своих исторических показателей он имел достаточно высокий уровень развития. Как кочевая периферия он представлял особый интерес для оседло-земледельческого, мусульманского населения Мавераннахра. Удовлетворение этого интереса могло обеспечить узбекским владетелям, помимо поступления животноводческой продукции, стратегический контроль над караванными путями, связавшими Среднюю Азию с Россией и Китаем. Это было тем более важно, что торговля между ними в XIX в. заметно выросла.

Помимо этого, завоевание этого обширного региона имело огромное идеологическое (как и психологическое) значение. Покорение хотя бы части Дешт-и Кыпчака и овладение «предводителем 99000 шейхов», который широко почитался мусульманами всей Внутренней Азии, поднимал авторитет среднеазиатских ханов на небывалую высоту.

Именно поэтому южно-казахстанский регион в первой половине XIX в. стал центром экспансии среднеазиатских правителей, особенно Хивы и Коканда. Попавшие в зависимость от кокандских владетелей (отчасти, хивинских) казахи Южного Казахстана (примерно 1 478 398 жителей [1]), вошли в систему аграрного развития вышеназванных теократических государств, начали нести тяжелое бремя феодальных повинностей.

При исследовании интересующего нас вопроса хотелось отметить, что в качестве решительного и стратегически значимого шага правители Коканда (как и Хивы, Бухары, выдвинули притязания на исламский титул правителя. В 1801 году в Коканде Умар Хан (правил при бл. в 1801-1822 гг.) принял титул «повелителя» и «имама мусульман» (амир/имам ал-муслимин). Для сравнения: в 1800 г. четвертый мангитский эмир Амир Хайдар (1800-1826) короновал себя в Бухаре как «повелитель верующих» (амир ал-му'минин,

титул халифа), в Хиве в 1804 году Илтузар Хан надел «корону халифата» и «обрел халифат» [2].

О религиозной политике правителей среднеазиатских государств, игравших выдающуюся роль во всей системе общегосударственной идеологии и политики, включая и аграрную, торгово-экономическую, может многое сказать обожествление ханской власти, которым обладали все правители Коканда, поскольку каждый из них принципиально считался назначенным богом. Мусульманские хронисты недвусмысленно объявляли среднеазиатских правителей, «тенями Бога», т.е. заместителями Бога на земле, отождествляя выражение халифат Аллах, зилл Аллах и султанат. Они подчеркивали, что раз «Бог дал тебе царство», этого же ожидает от правителя Бог, и, соответственно, в этом – божья воля.

Установление и создание «базового порядка» с соблюдением шарī`а стало элементарной функцией правителя, главы государства и поэтому понималось как универсальная политическая норма. Этот порядок характеризовался как общественное спокойствие (рахат, сукун, фарагат у асайаш, асайаш) и безопасность (аман, амн у аман), а подавление восстаний означалось как «восстановление порядка» [2, с. 54].

Важным было соблюдение иерархического деления общества, где особое положение занимали саййиды и богословы. Главными критериями были заслуги и верноподданство подданных. Каждый подданный должен быть хорошим мусульманином. Правитель должен быть защитником и «возродителем» шарī`а. Исламские нормы и традиции служили правителям ориентиром в управлении государством или должны были служить в качестве идеала.

Служители культа занимали важные административные должности, вершили правосудие (раис – блюститель религиозных правил и обрядов, а также порядка). Теократичность деспотического государства подчеркивается в архивных документах, которые фиксируют тот факт, что среди должностных лиц высокого ранга в государственном аппарате после Хана и Инака-наместника был Казы (верховный судья). Ч.Ч. Валиханов сообщал, что Казы (по части духовной и юстиции) занимал 3-е место в иерархии государственной политической структуры, после Хана и Инака-наместника (часто родной брат или сын хана) [3].

Сведения о крупном землевладении мусульманского духовенства говорят о его огромной роли в экономической, хозяйственной жизни. Недаром влияние на городскую и сельскую жизнь, которым пользовались священнослужители, было традиционно основано на чрезвычайно высоком удельном весе духовенства в местном феодальном землевладении [4].

Казахское мусульманское духовенство пользовалось непосредственной поддержкой ханов и являлось их опорой среди населения Хорезмского оазиса, о чем свидетельствуют записи исторических материалов. О существовании в конце XVIII – первой половине XIX вв. среди представителей узбекского высшего духовенства выходцев из казахов свидетельствуют исторические материалы. П.П. Иванов пишет, что в одном из хивинских списков «упоминается о 300 танапов, составлявших вакф некоего Азиз-ходжи из казахов» [5].

Господство мусульманской церкви, влияние ислама на аграрное, торгово-экономическое развитие изучаемого нами региона сказалось на усилении политики протекционизма, особенно развитой в налоговой и таможенной системе. Характерно, в 1856 году русский исследователь Павел Небольсин мог сообщить, что «Количество пошлины, взимаемой с иноземных купцов, посещающих рынки Бухары, Хивы, Ташкента и Кокана, определяется Кораном: счет вообще ведется сороками и с товаров, принадлежащих Мухаммед [овой вере], берется в ханскую казну единица с каждого сорока; если же товара хозяин не Мухаммед [овой вере], но шиит, то с каждого сорока взимается по две единицы, из какой бы страны товар не пришел». Неудивительно, что благодаря такому конфессиональному подходу в налоговой политике увеличивалась стоимость ханской казны (до 3-х миллионов рублей). В итоге этой стратегии, согласно сведениям исторических материалов, только «Поборы (пошлины) с караванов доставляли хивинскому хану до 850 тыс. руб. ассигнациями ежегодно и составляли более половины всех его государственных доходов» [6].

На аграрную политику влияло мусульманское законодательство. В изучаемое время казахи Южного Казахстана платили как основные, установленные шариатом, так и дополнительные налоги, т.к. вступали во все формы земле- и водопользования и входили в существующую в то время систему налогообложения. Здесь имелись все три существовавшие в ханстве формы землевладения: государственные земли, так называемые мемлеке-и-падшахи (падшалык, хассэ), которые в основном сдавались в издольную наследственную аренду; мюльковые, или частновладельческие земли, находившиеся в распоряжении хана, феодалов и крестьян; вакуфные земли, которыми владели мечети и другие религиозные учреждения. Отсутствие точно установленных и сформулированных норм водо- и землевладения и учреждений, произвол властей и почти полное отсутствие договорных документов на владение землей привели к полной запутанности в земельно-

водных отношениях, которые сохранялись вплоть до конца существования среднеазиатских ханств, усложняясь с каждым годом.

Большую часть доходов Кокандское ханство получало с зависимых от него казахов. В конце 60- начале 70-х гг. XIX в. Кокандское ханство взимало с казахского населения около 20-ти видов различных налогов. Из этих прямых налогов главными были три вида: харадж, танап (поземельный налог с огородов и садов) и закят (закят со скота, закят торговый). Есть сообщения о взимании в ханстве новых видов налогов на металлы (золото, серебро, медь), а также на вьючных животных (верблюдов и ослов).

Казахский народ (как и подвластный Коканду кыргызский и каракалпакский) платил три вида податей: 1) тюньлюк-зьякет, по овце с юрты; 2) алал-зьякет (налог со скота), по одной голове скота с 50; 3) харадж (натуральный налог с полевых растений) с земледельцев. Кроме того, время от времени взимали военную подать в размере одной тили (золотой монеты или трех баранов с юрты. Взимались, также, зьякет, как торговый процент с товаров и со скота, во время продажи продукции животноводства; базарный сбор за право торговли на рынках; сбор за содержание весов; сбор за переправы через реки; пошлины с соли и т.д. Существовал так называемый маклерский процентный сбор за совершение брака. Сборы взимания податей в разных местах были различны: в одних пунктах налоги собирали специально выделенные люди от хана или беков, в других – весь сбор отдавался в аренду.

Сартовское население городов Южного Казахстана личной подати не платили. Повинности их в отношении к городу состояли только в исправном и чистом содержании улиц. Купцы при оценке их караванов, вносили в городскую казну с 40 тилля 1 тилля (1 тилля – золотая монета равняется 3 рубля 60 коп. Российской империи). Пошлина могла взиматься на месте, а также в Коканде, Ташкенте и др. городах, где торговал купец.

Казахи платили с юрты батман хлеба (около 10 пудов), ввоз дров, ввоз сена для крепости и так называемый закят с 100 баранов – 3 барана. Они платили с обыкновенной величины пашни 2 тилля и закят с 100 баранов – 3 барана. Если у платившего закят было более 40 лошадей, то с каждой лишней лошади он уплачивал в закят по 40 коп., а с 5-ти верблюдов в закят брали одного барана. С рогатого скота брали одну тридцатую часть. С занимающихся скотоводством собиралось с 40 баранов 2 барана, а с проходящих через принадлежащие среднеазиатским правителям караванов со скотом также взимался с каждого коша 1 баран.

Закет взыскивался со скота как продающегося на базарах, так и находящегося на пастбищах. Казахи платили закет Кокандскому ханству в следующем размере: с баранов и лошадей одну сороковую часть, с рогатого скота – одну тридцатую часть. Если у платившего закет было более 40 лошадей, то с каждой лишней лошади он уплачивал в закет по 40 копеек, а с пяти верблюдов в закет брали одного барана.

Закет обычно собирался ранней весной ханским чиновником, но, как правило, он нарушался. Записи из рукописи, принадлежавшего перу крупного сборщика закета свидетельствуют о насилии и жестокости во время правления ташкентского бека Мирза Ахмада, ставленника кокандского Худояр-хана [первое правление – 1845-1858, второе – 1864-1875] над населением Южного Казахстана. Есть многочисленные сведения о резком увеличении налогов в последний период правления Худояр-хана [7]. Тогда, население платило налоги даже за колючку, собранную для топлива.

Хараджную подать ханские сборщики взимали с земледельцев в размере одной пятой части урожая и одну десятую часть урожая, орошаемого дождевой водой. Как правило, харадж взимался осенью после сбора хлеба натурой и употреблялся для содержания войска. Оставшуюся часть продавали на рынке, а деньги вносили в ханскую казну.

Харадж, этот основной поземельный налог, шел главным образом на содержание бездарного многочисленного ханского войска и бератдаров, а также на покрытие различных расходов хана и его дома. В документах не указаны расходы на пользу общества. Источник сообщают, что собранный харадж «расходовался на содержание находящихся сарбазов (солдат) и рассыльных людей, состоящих при беке, а также на содержание двора бека. Оставшееся количество бек имел право продавать и вырученные деньги употреблять в пользу своей особы» [8].

Хлебопашцы за пользование землей при сборе хлеба платили десятую часть урожая. Этот сбор также производился с клевера, поступающего на содержание казенных лошадей. Танапная или поземельная подать взималась с земли, занятой огородами, садами и различными насаждениями. Сбор потанапного налога производился в самое тяжелое время - весной, в период распускания деревьев и цветения винограда.

У нас имеются исторические сведения сбора танаба [9]. Налог с огородов и садов взыскивался в следующих размерах: с танапа земли, занятого огородами, взимался 1 рубль (5 теньге), с танапа клевера – 1 рубль, с фруктовых садов – 2 рубля, с тополя, карагача – 50 копеек, с шелковицы – 1

рубль, с виноградников – 2 рубля, с весенних посевов лука, моркови – 1 рубль, с осенних посевов, произведенных после уборки зерновых, брали одну пятую часть урожая. Харадж и танапный налог полностью ложились на плечи егинши, земледельцев и ремесленников, имевших небольшие участки земли.

Ремесленники никакой пошлины не платили, исключая единовременной уплаты за место, на котором была построена их мастерская. Все свободные места в городе продавалось жителям в пользу казны, по назначаемой беком цене, смотря по удобству и выгоде места. Так на базаре за квадратную пику (2-1, 2 саж. взималось 5 тилля 18 руб.). За сады и огороды в окрестностях города не платилось.

Кроме широкой системы прямых налогов, предусмотренных шариатом, считавшихся законными, существовал еще целый ряд дополнительных сборов и повинностей. Были и «незаконные», устанавливаемые произвольно местными властями. Резко увеличились налоги в последний период правления Худояр-хана. Система налогов была доведена до мелочей. Был установлен налог на строевой лес; при частновладельческих усадьбах широко применялась система отработок, барщина по очистке и проведению оросительной сети, доставке на арбах топлива для ханского дворца.

О существовании ежегодных многочисленных экстренных налогов, дополнительных сборов и повинностей говорит то, что например, часто требовались подводы, но взамен их собирали скот, и этот сбор опять равнялся закату. Налоговый деспотизм, произвол и жестокость кокандских властей привели к обнищанию народных масс. В народе зрело недовольство, которое разрешалось имевшими место в истории края вооруженными восстаниями против своих угнетателей (1821, 1857).

Таким образом, Южный Казахстан, попав в зависимость от Коканда в первой половине XIX в., был включен в орбиту аграрного развития теократического государства, каковым было кокандское государство.

Все благосостояние Кокандского ханства, вся роскошь ханов, беков и хакимов, все богатства верхушки феодальной знати покоились на самой беспощадной эксплуатации и нищете подвластных им народов, в том числе казахском. Прикрываясь священными основами Корана, мусульманским законодательством, кокандские власти, в угоду личной выгоды и достижения корыстных целей, разоряли местное кочевое население, облагая его

непосильными налогами и принуждая к тяжелым повинностям, что, помимо других причин, неизбежно тормозило исторический процесс.

Использованная литература:

1. [Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=877](http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=877)
2. фон Кюгельген Анке. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX). Алматы, 2004. С. 24.
3. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) //Чокан Валиханов. Избранные Произведения. Алма-Ата, 1958. С. 195.
4. Иванов П.П. Хозяйство Джуйбарских шейхов //К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. М.-Л., 1954. С. 29.
5. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI - середина XIX вв.). М., 1958. С 60-61
6. Павел Небольсин. Очерк торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. С. 8.
7. Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973. С. 120
8. Тетеревников А.Н. Очерки внутренней торговли Киргизской степи. //Туркестанский сборник. Т. 396. С. 31.
9. 9 Пантусов Н. О податях и повинностях, существующих в бывшем Кокандском ханстве в последнее время правления Худояр-хана //Туркестанские ведомости. 1887. № 16.

XIX ғасырдың бірінші жартысында Оңтүстік Қазақстанның аграрлық дамуына мұсылман заңының әсері зерттеледі. Автор Оңтүстік Қазақстан аймағындағы қазақ жұртышылығының аграрлық қатынастың тарихи ерекшелігін, Қоқан хандығының тәуелдігінде болғандығын және бұл жағдайдың тарихи үрдіске енгізілгендігін анықтайды

The author investigates the impact of Muslim law on agricultural development in South Kazakhstan in the first half of XIX century. The author reveals the historical peculiarities agricultural relationship of Kazakh people in the area of South Kazakhstan. The author says that they were dominated by Kuran khanate, and it was entered the traditions of history.